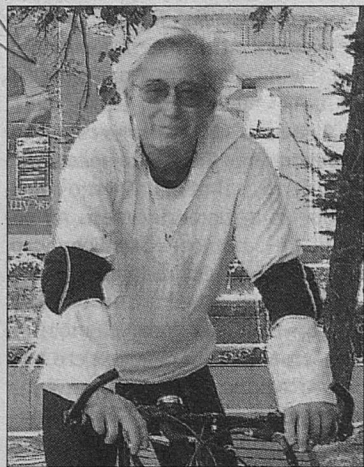

РАССКАЗЫ,
СПАСЕННЫЕ
НА ПОЖАРЕ

ВИНЬЕТКИ

Александр ЖОЛКОВСКИЙ

Известный филолог и прозаик, американский профессор и московский уроженец Александр Жолковский только что выпустил новую книгу рассказов и виньеток (оригинальный околемуарный жанр коротких литературных зарисовок) — «НРЗБ» (рассказ с таким названием появился задолго до известного романа Сергея Гандлевского). Книга очень быстро стала раритетом по причинам, не зависящим от автора. Значительная часть тиража сгорела там же, где продавалась, — в московских книжных магазинах «Билингва» и «Фаланстер».

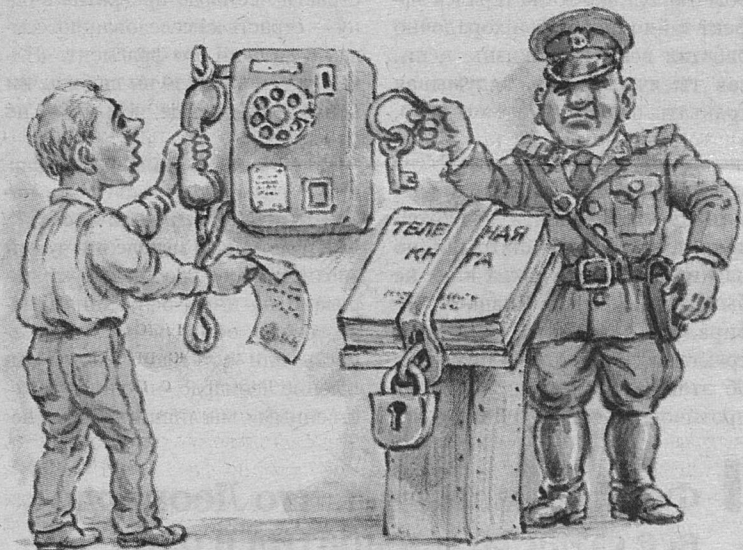
Глупость

Когда вышло первое издание «Виньеток» (2000 г.), один журналист в Лос-Анджелесе предложил сделать о них радиопередачу для эмигрантской публики. Он похвастался, что его программа идет в эфир через нью-йоркскую студию, откуда транслируется на всю страну, а формат включает звонки слушателей, гарантируя прямой контакт с

ных бури и натиска, наивным энтузиастом которой предстает юный автор. В общем, верняк.

Вопросы действительно не заставили себя ждать. Первый же звонок подверг сомнению достоверность виньетки.

— Вот вы говорите, что в ваших воспоминаниях все правда, а пишете, будто звонили Проппу из автомата, найдя номер в телефон-

аудиторией. Авторское тщеславие — в числе моих слабостей, и я согласился.

Журналист оказался очень глупым, настолько глупым, а теперь к тому же и покойным, что имени его называть не приходится. (Как известно, есть глупые евреи.) Он приехал ко мне в Санта-Монику и быстро вышел на связь с Нью-Йорком. Я беспокоился, что никаких звонков не поступит, но он сказал, что будут, будут.

Объявив мое имя, он стал напыщенно толковать о том, какой я замечательный ученый, какую блестящую сделал в Америке карьеру и какую великолепную написал книжку, из которой теперь вот зачитают несколько выдающихся мест. Я стал морщиться, но в конце концов это была его передача и он мог говорить, сколько вздумается; риторически неизбежны были и похвалы в адрес интервьюируемого.

Я прочел штук пять виньеток, в том числе «Скромность» (о визите к великому фольклористу Проппу в 1966 году), которую обычно включаю в свои презентации. Она сравнительно короткая, в ней описывается встреча с великим человеком, натерпевшимся от истории, но знающим себе цену, и общая атмосфера эпохи структур-

ной книге. Но мы все жили в Советском Союзе, и мы все знали, что никаких таких телефонных книг в будках не было.

— Вы правы, я тоже это знаю, но факт, что телефонная книга там лежала, она и подала мысль позвонить почитаемому издали человеку.

— А, может, вы звонили не из автомата, а откуда-нибудь еще?

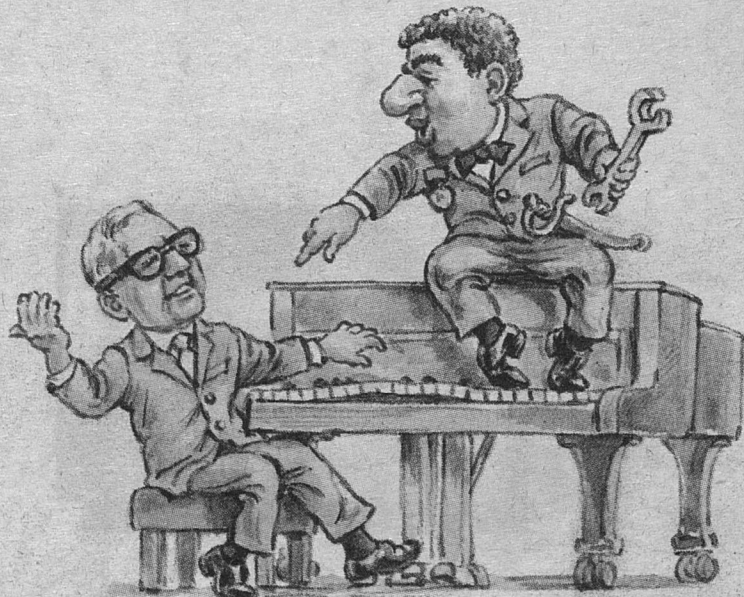
— Да нет, из автомата, как сейчас помню, около Дворцовой площади. Возможно, в этом районе телефонные книги были положены специально, чтобы произвести впечатление на интуристов.

— Не надо, не надо, теперь ясно, что вы звонили из какого-то особого места, там вам и телефон дали. Ни для кого телефонных книг не было, а для вас почему-то нашлась!

Затянувшийся допрос требовал отпора, и я его дал:

— Вам же долго объясняли, что я человек особенный, выдающийся. Случай с телефонной книгой ясно это подтверждает. Слушать надо, когда говорят.

Были и еще вопросы, все очень глупые, как теперь говорят, не в кассу. В общем, глупый ведущий, глупые слушатели, глупый автор. И глупо было впутывать в это Проппа. Впрочем, фольклорное мышление — его тема.

Технические
погрешности

Рассказы об успешном противостоянии силе не так неправдоподобны, как мы подспудно боимся. «Наезд» обычно предполагает пассивность жертвы, а потому продумывается лишь на шаг вперед и контрудара не выдерживает. Папа (мой покойный отчим музыковед Л. А. Мазель) рассказывал об одном таком эпизоде из композиторской жизни.

Фортепианный квинтет Шостаковича был впервые исполнен в 1940-м году в Малом зале консерватории автором и квинтетом им. Бетховена. На генеральной репетиции присутствовала музыкальная элита, в том числе Арам Хачатурян, бывший уже в чине зампреда оргкомитета Союза композиторов. Квинтет имел успех, и Хачатурян одним из первых поднялся на сцену поздравить автора. Но в свои похвалы он внес завистливо-перестраховочную ноту:

— Прекрасная музыка, Дмитрий Дмитриевич. Все великолепно, за исключением разве что мелких, технических погрешностей.

Заводить речь о технических недоработках у бесспорного мастера

формы Хачатуряну, по слухам, отдававшему оркестровать свои сочинения музыкальным неграм, не следовало.

— Да, да, технические погрешности, технические погрешности, надо их устранить, устранить, немедленно устранить. — Нервно жестикулируя, Шостакович стал созывать исполнителей. — Дмитрий Михайлович, Василий Петрович, Сергей Петрович, Вадим Васильевич, в партитуру квинтета вкрались технические погрешности. Арам Ильич обнаружил досадные технические погрешности, технические погрешности. Сейчас он из нас покажет Арам Ильич, пожалуйста, к инструменту. Нельзя допустить, чтобы свет увидело несовершенное сочинение, несовершенное сочинение.

Хачатурян всячески уворачивался, но Шостакович продолжал тащить его к роялю, сгребая вокруг него членов квинтета, пока тому не удалось наконец вырваться из окружения и спастись бегством.

Не исключено, что сомнительный комплимент сошел бы ему с рук, прояви он больше внимания к его технической стороне — выбору слов.

Что такое гид?

В далекие 60-е годы поездки за границу только-только начались, и они проходили под строжайшим контролем, осуществлявшимся до, во время и после поездки. Одна знакомая из музыкальных кругов съездила в составе тургруппы в Италию и по возвращении подверглась суровой проработке за любовную связь с гидом, о которой ее спутники не преминули донести по начальству

Я рассказал об этом казусе Юре, он выслушал с интересом, но сначала никак не отреагировал. Комментарий поступил через несколько дней:

— Алик, ты знаешь, я обдумал твою итальянскую историю. Тут важно, что речь идет именно о гиде. Ведь что такое гид? Гид — это первый иностранный мужчина, с которым встречается советская женщина, буквально — первый встречный иностранец.

Неполный контроль

На всемирном форуме о мировом значении русской литературы в Москве в декабре 2004 г. среди прочих выступала моя когда-тошная сокурсница. За истекшие полстолетия она мало изменилась. Она была все такая же худая и высокая, держалась так же прямо и говорила так же, как тогда, — тихо, обстоятельно и безапелляционно. Первокурсницей она точно знала, что будет заниматься театром Чехова, и теперь, прозанимавшись им всю жизнь и став первым театроцеховедом страны, а может быть, и планеты, она тем же, но уже вполне заслуженно учительским голосом описывала повсеместную востребованность чеховских постановок, сведения о которых стекались к ней с пяти континентов. Слушая ее, я представил себе карту мира, покрытую флажками и прямыми линиями с точкой пересечения в Москве, висящую на стене ее чеховского кабинета номер один.

Предавшись этим размышлениям, я отвлёкся, но был вскоре возвращен назад переменной в интонации докладчицы. К ее невозмутимо эпическому тону примешалась какая-то беспокойная нота. Впрочем, и она звучала в мажоре, освеженном этими неожиданными модуляциями:

— И вы знаете, доходит до того, что где-то в Новой Зеландии ставят «Чайку», совершенно не консультируясь с нами, и мы только потом стороной узнаем, а они сами нам даже не сообщают.

Квасцы

Когда несколько моих мемуарных мелочей были с легкой, хотя и недолговечной, руки Олега Проскурина вывешены в электронном журнале guss.ru, а рядом с ними оказались сходные по жанру сочинения Мариэтты Чудаковой под общим заглавием «Рассказы», я вычислил, что на эту словесную мель она села, метнувшись от Сциллы моих западнических «Виньеток» к Харибде солженицынских «Крохоток», и с завистливой оглядкой на Пелевина, придумавшего «один бог» — так сказать, квант современной мирской тщеты, стал прикидывать, как бы назывались аналогичные единицы для измерения русского литературного патриотизма.

Игорь ГОНЧАРУК, рисунки